Сергей Большаков

# НА ВЫСОТАХ ДУХА

## Делатели молитвы Иисусовой в монастырях и в миру

(Личные воспоминания и встречи)

*Посвящается собеседникам*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЖИЗНЬ С БОГОМ"

1971

Сергей Большаков

# НА ВЫСОТАХ ДУХА

## Делатели молитвы Иисусовой в монастырях и в миру

(Личные воспоминания и встречи)

*Посвящается собеседникам*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЖИЗНЬ С БОГОМ"*

1971

Заказы направлять по адресу:
*Foyer Oriental Chrétien*
*Avenue de la Couronne 206*
*B – 1050 Bruxelles*

*Dépôt légal 1971-0362-2. Imprimé en Belgique;*

## *ПРЕДИСЛОВИЕ*

*Эта небольшая книжечка написана, главным образом, для делателей молитвы Иисусовой. В ней я изложил мои беседы с разными делателями ее в разное время и в разных странах. Делателей этой молитвы очень немного. Я едва могу насчитать тридцать, почивших и здравствующих. В книжечке помянуты только почившие, за исключением одной благочестивой женщины, помеченной инициалами, которая может быть еще жива.*

*Из делателей молитвы я выбрал только достигших внутреннего безмолвия, т.е. никого не судивших, в большей или меньшей мере. Этой добродетелью особенно отличался Сергей Миронович Паул. Из двенадцати лиц выбранных мною – семь монахов, трое мирян, близких к монашеству, и две женщины, обе матери семейств. Старец Михаил, Ново-Валаамский Затворник, дал мне самые ценные указания, но помогли мне также и архидиакон Аркадий, и схи-игумен Иоанн, и иеромонах Дорофей, и другие.*

*Из этих бесед видно, как делатели молитвы понимают такие термины как "угомонился", "внутреннее безмолвие", "духовная прелесть" и т.д.*

*Беседы частью выписаны из моих дневников, а частью воспроизведены по памяти. Они посвящены моим Собеседникам.*

*Слава Богу за все!*

*С.Б.*

Монастырь Скурмондской Богоматери, Бельгия.

Июнь 1966.

# НА ВЫСОТАХ ДУХА

## *1. Иеромонах Дорофей, Коневица.*

Я провел в Коневице, на дальнем севере, несколько недель в 1951 г., живя как отшельник в избушке, в лесу. Стоял конец июля. Дни были теплые и солнечные. Леса и озера, озера и леса. Монастырек был небольшой и братья малочисленная и в летах. Были среди иноков люди высоко-духовные. Из них я помню лучше всех о. Дорофея. Я спросил его раз:

– Как достичь мира духовного?

– Нужно угомониться, ответил о. Дорофей, улыбаясь.

– Что значит угомониться? – переспросил я.

– А вот что. Когда я был молодым послушником на Валааме. Старец мой, которому я прислуживал, сказал мне раз: "Димитрий, трудно тебе будет угомониться. Больно у тебя нрав веселый и подвижной. А не угомонишься, не достигнешь чистой молитвы, не к чему будет тебе и монашество." – Вот я и спросил его, как вы теперь меня: – Что значит угомониться? Старец мне ответил: "Это очень просто. Сейчас вот лето, а ты, поди, ждешь осени, когда работы на полях будет меньше." – "Верно, батюшка"... – "Ну, а осень придет, будешь ждать зимы, первопутка, Святок, а они придут, будешь ждать весны, а там Пасху – светлого Христова Воскресения?" – "Правда, отче." – "Вот ты сейчас послушник, а, поди, ждешь того времени, когда будешь рясофором?" – "Да, батюшка." – "Ну, а там, поди, и мантии будешь ждать, а там иеромонашества. Вот это и значит, что ты не угомонился. А вот, когда тебе будет все едино, весна или осень, лето или зима, Святки

или Пасха, послушник ты или схимник, а будешь ты жить сегодняшним днем, ибо «довлеет дневи злоба его», не будешь помышлять и ждать, а всецело предашь себя воле Божией, вот ты и угомонишься." Много лет прошло, принял я мантию, получил иеромонашество и все ждал чего-то. Перевели на кошевара. Не хотел, а пришлось подчиниться. Ну, а уж как сюда перевели, то шел весело, а иные плакали. На все воля Божия. Если будешь принимать волю Божию благодушно и с любовию, а своего чудачества не ждать, вот ты и угомонишься. Только вам еще далеко это, Сергей Николаевич. Вы еще "своего ищете". Только без угомонения не достичь чистой молитвы!

– Скажите, о. Дорофей, в чем чистая молитва?

– А это молитва без помышлений, когда мысль не разбегается, внимание не рассеивается и сердце твое бдит, т.е. устрашается или умиляется. Когда же ты молишься устами, а мысли твои далеко – то это не молитва.

– А как стяжается чистая молитва?

– Трудом, конечно. О молитве Иисусовой слыхали?

– Да, слыхал.

– И упражняться пытались?

– Пытался.

– И шло?

– Плохо.

– Вы не отчаивайтесь. Твердите себе и в свое время придет.

– А как знать что достиг чистой молитвы?

О. Дорофей посмотрел на меня испытующе и спросил: "О Старце Молдавском слыхали?"

– Нет.

– О нем пишет инок Парфений в своих *Странствиях*. Поди и его не читали?

– Нет.

– Прочтите, очень поучительно и полезно. Его раз Парфений и спросил о чистой молитве. Ну, Старец Иоанн и ответил, что как стал он подвизаться в молитве

Иисусовой, сначала с принуждением великим, а потом легче и легче. А потом у него навязалось и потекло как ручеек, молитва самодвижной стала; журчит и журчит и сердце умиляет. Ну и стал он от людей уединяться, на пустыньку ушел, не только мирянок, но и мирян перестал принимать, да и монахов редко. И появилась у него тяга к молитве непреодолимая. Когда Парфений спросил Старца: "А что же есть молитва непреодолимая?" – то о. Иоанн и отвечает: – "А вот что есть молитва непреодолимая. Стану, говорит, я на молитву до захода солнца, а когда очнусь, то уже высоко солнце на небе, а я и не приметил." – Вот это и есть чистая молитва.

– А скажите, о. Дорофей, сколь нужна молитва чистая для жизни деятельной, ну, например, миссионерской?

– Очень полезна. Когда подвизается человек в молитве Иисусовой, то уподобляется он, скажем, липе в цвету. Когда нет цветов на липе, то и пчелы не прилетают. А как начала липа цвести, то аромат цветов ее привлекает пчел отовсюду. То же и с подвижником, утвердившимся в молитве Иисусовой. Аромат молитвы, добродетели ею доставляемые, привлекают отовсюду добрых людей, которые ищут где поучиться. Кто живет во Христе, того Бог на руках Своих носит. Ни о чем не надо ему заботиться. Со всех сторон стекаются к нему добрые люди и хранят его, как зрак очей своих. Подвизающийся в молитве истинной под тенью Господней успокаивается. И ни о чем он не заботится. Все само приходит.

– А скорби бывают?

– Как не бывать, но и они обращаются в радости. Впрочем, Вам этого еще не понять. Далеконько. Но придет в свое время.

– Скажите, о. Дорофей, в миру можно спастись?

– А почему нельзя? Царствие Божие внутри нас есть, когда мы в сердце нашем повергаемся пред Господом и возносим ему курение благовонное чистой мо-

литвы. *Рассказы Странника* читали?

– Читал.

– Ну и Вы также действовать можете. Немытов Орловский богатый купец был, а оптинского Старца Макария молитвенностью своей удивлял. Впрочем и он, как вошел в силу в своем собственном доме, затворником стал. Кто с Богом жить стал и величие духовного увидел, тому трудно остаться в миру. Как орел он парит высоко в небе и не может уподобиться курице,которая копошится на дороге.

Мы сидели на скамеечке, на берегу тихого озера. По голубому небу плыли белые, перистые облачка. Солнце садилось. Стволы высоких корабельных сосен горели как золотые свечи в лучах заката. Озеро все золотое, в зеленой рамке лесов, было как зеркало. Всюду царила тишина далекого севера.

– Вот друг, заметил о. Дорофей, когда сердце Ваше уподобится сегодняшнему вечеру, его тишине и миру, тогда и озарит его свет незаходимого солнца – и уразумеете Вы тогда на опыте, что есть чистая молитва.

– Скажите, о. Дорофей, спросил я его после некоторого молчания, как узнать волю Божию о нас?

– Духовные отцы говорят, что самые обстоятельства жизни нам сие указывают, затем можно вопросить с верой, что делать, Старца или вообще мудрого человека, а затем, по преклонению сердца. Помолись трижды Господу указать волю Его, вот как в саду Гефсиманском молился Спаситель, и куда сердце преклонится, так и поступай.

## *2. Отец Евфимий. Дионисиат.*

Я провел несколько дней в греческом монастыре Дионисиате в конце октября 1951 года. Там я познакомился с греком из Сикона, который жил в России, на Кавказе, а оттуда удалился на Афон во время граждан-

ской войны. Звали его о. Евфимий. Ему было лет за 60 и он отличался мудростью. В монастыре он был библиотекарем. Я имел с ним много замечательных бесед.

Раз мы сидели вечером на балкончике его кельи, висевшем над морем. Стояла тихая, теплая, осенняя погода. Солнце садилось на западе. Небо и море были в золотом сиянии.

– Отец Евфимий, – сказал я, – в Коневице я расспрашивал о. Дорофея о чистой молитве, а на Новом Валааме о. Михаила о пределе молитвы. А вы что скажете?

– Хотя молитвы церковные и даже келейные по книгам и нотам весьма полезны, тем не менее они временны, ответил о. Евфимий. Не всегда мы имеем книги и ноты, да и не можем мы все время быть в церкви или в кельи – нужно жить, исполнять послушания. Я не знаю, какая молитва, кроме Иисусовой, может быть непрестанной. Для этой молитвы не нужно ни церкви, ни кельи, ни книг. Молитвой Иисусовой всюду можно молиться – и дома, и на улице, и в путешествии, и в тюрьме, и в больнице. Только научиться надо.

– А как?

– Да все равно как. Сначала повторяй ее про себя, гласно, сколь можешь, в кельи, в дороге, когда людей нет. Но повторяй со вниманием, медленно, плаксивым тоном, вон как нищие клянчут: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Повторяй почаще, когда только есть возможность. А потом повторяй умственно, в уме своем, но также со вниманием и медленно. А потом с дыханием и биением сердца можешь соединить. Только сам не дерзай, а пусть кто-либо, кто сам так подвизается, тебя научит, а то впадешь в помыслы и прочее. И много лет так будет тянуться, а может и скоро научишься. И пойдет у тебя эта молитва в уме сама, как ручеек: ходишь ли ты, работаешь ли, или спишь. Я сплю, а сердце мое бдит. А потом и слов не надо, и мыслей никаких, а вся жизнь

твоя станет молитвой. Вот как о. Дорофей говорил тебе об Иоанне Молдавском.

– А такие люди есть, как Старец Иоанн?

– Есть. Да вот неподалеку, здесь же на Афоне, на Каруле, есть пустынники, весьма далеко некоторые взошли.

– А скажите, о. Евфимий, можно узнать кто высоко подвигся в молитве Иисусовой?

– Как же, можно.

– А как?

– А вот, если хочешь у кого поучиться молитве, то выбирай Старца тихого и смиренного, который никого не осуждает, разве юродствует, и не раздражается, не кричит, не командует. А то есть и такие Старцы, которые сами собой еще не овладев, пускаются другими верховодить. Они, пожалуй, внешнюю, техническую, так сказать, сторону молитвы изучили, но духа ее не получили. Сам посуди, как может осуждать других тот, кто сам постоянно взывает: помилуй мя, грешного.

– А скажите, Отче, какой самый высокий подвиг?

– Юродствовать, конечно. Ибо мудрость века сего безумие пред Господом и обратно. Это тяжкий подвиг и пускаться на него нельзя, кроме как по совету Старца.

– А потом?

– Ну, странничество, вот как автор *Откровенных Рассказов Странника*. Миру это то же почти что безумие. Ну, а потом отшельничество, затворничество и простое монашество. Но помни, не внешность важна, а внутреннее. Есть и юродивые притворные, и странники бездельные, и отшельники высокомудрые, и затворники, всех осуждающие, и монахи непутевые. Спастись всюду можно, и в миру. Только в монастырях или в пустыньке легче. Менее соблазнов. Но и в монастыре, если не будешь молиться как следует, то осуетишься. И не только растеряешь, что имел, но и придешь в худшее состояние и даже совсем отпадешь от Бога. Это случается.

– Скоро ли к вечерне будут бить, о. Евфимий?

– Скоро, ответил он. Да вот уже стучат. Пора идти в церковь.

Мы ушли с балкончика и по коридорам и лестницам спустились в католикон, весь в сиянии золотого заката. Служба началась, медленно, истово, как обычно на Афоне. *Свете тихий святыя славы Безсмертного, Отца небесного, святаго блаженнаго, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога...*

Вечером я вышел на балкончик своей кельи и смотрел на усеянное бесчисленными звездами небо. О. Евфимий тихо подошел ко мне.

– Смотрите на небо? Видите какое величие и какая красота творения. А как и что, размышлять не надо, а наступит время, то и поймете многое, как достигнется в высокой молитве. Разумом тут не поймешь, а нужно озарение. А в миру, за заботами, люди ничего этого не замечают, а как свиньи, прости Господи, смотрят в землю и жолудей ищут. Истинное счастье и красота тому открываются, кто в Боге живет. Да, велика и благодатна сила молитвы. По сравнению с ней все прочее – прах, суета сует и всяческая суета.

### *3. Отец Тихон. Вильмуассон.*

Это было весною, в день Вознесения, в самом конце мая. Стоял теплый и солнечный день. Сирень уже почти отцвела, а на фруктовых деревьях можно было заметить небольшие груши и яблоки. Я сидел с о. Тихоном на скамеечке в саду.

– Какая благодать! заметил о. Тихон. Теплынь-то. Нужно жить и радоваться. Кто творит молитву Иисусову, вот как странник, у того в душе всегда весна. Ни к чему не надо привязываться. Не надо также жить в прошлом или в будущем. Нужно жить в настоящем, сегодняшнем дне, и за все благодарить Бога. А так все

проходит. Вон Святитель Тихон Задонский, мой ангел, писал: "Все как вода преходящая: был я ребенком, сиротой, бедствовал, и это прошло; был в школе бедняком, смеялись надо мной – и это прошло; кончил семинарию первым, стал преподавателем, стали уважать – и это прошло; сделали архимандритом большого монастыря, ректором семинарии, стали передо мной заискивать – и это прошло; стал я архиереем, ездил в карете цугом, бывал при дворе, много видел хорошего и плохого, раболепствовали передо мной – и это прошло; ушел на покой, стали меня утеснять, пошли болезни, – и это прошло, а там будет старость и вечный покой." Вот, Сергей Николаевич, наша жизнь. Я родился в бедной семье, учился в дорогом училище, вышел в гвардию, был при дворе, наслаждался жизнью запоем, как Лев Толстой – и это прошло. Пошли потом неудачи в Академии, женитьба на разведенной, интриги, отдача под суд, скорби и скорби – и это прошло. Меня сделали молодым полковником. Но я уже потерял интерес к карьере. Увидел, как все тленно и преходяще. А там война, революция, гражданская война, эмиграция, страшная болезнь, от которой я чуть не умер, а потом еще более страшная и неизлечимая болезнь жены и ее смерть,тяжелая работа чернорабочего – и это прошло. Все эти скорби и страдания привели меня к вере и к монашеству, и научился я искусству непрестанной молитвы, и всему радуюсь. Без скорбей и тяжких испытаний я бы не пришел к вере.

– А скажите, о. Тихон, спросил я монаха, как стяжать мир духа, как избегнуть бесполезных сожалений и иллюзорных надежд?

– Да вот как я сказал. Живите в настоящем. "Довлеет дневи злоба его." А паче прилегайте к молитве. И тогда откроется Вам мир новый, чудный. Да что говорить?! Вы знаете ночных бабочек? Они кажутся нам серыми и неинтересными, но другим бабочкам, у которых глаза иначе устроены, они кажутся замечательно красивыми, блестящими, переливающимися всеми

цветами радуги. Так вот и тем, которые достигли прозрения, как странник, мир кажется иным. Во всем видится величие Творца и Его неисчерпаемое милосердие. И как начнет увязываться молитва, то такая наступает отрада и такие открываются прозрения в сущность вещей, что и сказать нельзя. Это можно только опытно уразуметь.

– А в гордость нельзя тогда впасть?

– Очень даже можно. Но избежать такого падения можно. Преподобный Макарий Великий справедливо поучал, что без всех добродетелей можно спастись, а без смирения никто не спасся. Вон мытарь и благоразумный разбойник ничего не имели, а спаслись единственно смирением. А Сатана все имел кроме смирения, и пал навсегда. Богомыслие хорошо и размышление над великими тайнами, нас окружающими, но со смирением и без осуждения других, а иначе велика опасность. Ересиархи были людьми даровитыми, но нехватало им смирения. Они вошли в мудрование, воспротивились Церкви и погибли.

– Я читал, о. Тихон, что тибетские отшельники, которые подвизаются в повторении мантры (молитвы): *Ом мани падме хум,* т.е. "Сокровище в лотосе, приветствую тебя", доходят постепенно до великой тишины и восторга. Когда они достигают до положенного предела, то постепенно сокращают мантру и, в конце концов, раз ночью, выйдя из своей пещеры и глядя на величие звездного неба, говорят: "О!" и застывают в созерцании открывшегося величия. Вот и Альберта Эйнштейна спрашивали, имеет-ли он веру. Он ответил: "Да, если под ней разуметь удивление перед мудростью и величием, царящими в мире", но догматизирования он не признавал. Что Вы об этом думаете, о. Тихон?

– Не нам судить, что видят тибетские отшельники или как понимает Божество Эйнштейн. У нас имеется Св. Писание, Добротолюбие и опыт многих подвижников. Будем подвизаться в молитве Иисусовой смиренно и с терпением и в свое время узнаем, что положено,

если не ослабеем. Главное же к чему надо стремиться, – это любовь, любовь к Истине, т.е. к Богу и любовь к ближним. Бог есть любовь. В этом наше отличие от подвижников буддизма и индуизма: у них главное – знание, а зло – от неведения, а у нас главное – любовь. На Страшном Суде нас не будут спрашивать, где, как и сколько мы молились или созерцали, а накормили ли мы, напоили ли, одели ли, посетили ли нашего ближнего. Этим мы осудимся и оправдаемся. Но это не значит, что мы не можем предаться созерцанию. Это особенно приличествует старости, когда у нас нет уже сил для деятельного милосердия, а также и тем, которых призвал Господь на предстояние пред Ним. Но и отшельники не должны совершенно уединяться, а устно или письменно отвечать на вопросы духовные, когда спрашивают. Все великие отшельники это делали, и Антоний, и Макарий, и другие. Все надо делать с радушием.

### *4. Архимандрит Аркадий. Псково-Печерский монастырь*

О. Аркадий стоял на балкончике своей кельи и кормил голубей. Был он высок, красив, лет пятидесяти. О. Аркадий всегда находился в благодушном настроении и был ласков.

– Скажите, о. Аркадий, как это Вы всегда пребываете в столь благодушном настроении?

О. Аркадий ответил, улыбаясь: – Чему мне огорчаться? Сыт, здоров, одет, обут, живу в уютной кельи, служу в церкви как диакон, работаю в столярной мастерской по ремеслу своему, читаю душеполезные книги и в молитве подвизаюсь. Чего еще нужно? Желающие более этого подвергаются, по Апостолу Павлу, многим скорбям и страстям. Их одолевает то жадность, то честолюбие, то мстительность, то похоти. Когда они не могут достичь того, чего желают, то злобствуют и раздражаются, а достигнув впадают в беспокойство,

как бы не потерять того, что захватили. А потому всегда они в огорчениях и сумлении. Вы, Сергей Николаевич, если хотите быть в благодушии, то живите просто, не мудрствуя лукаво, и все будет хорошо. Вон Старец Амвросий Оптинский говорит: "Живи просто, и проживешь лет до ста".

– Это в обители, о. Аркадий, а в миру?

– Да вот тот же Старец Амвросий присовокупляет: "Можно жить и в миру, только не как на юру, а тихо".

– А если грехи у кого, тогда как?

– Тоже просто, Сергей Николаевич. У пустынных отцов говорится: "Пришел раз молодой монах к старому Авве и говорит: – "Что делать, Авва, впадаю я все в тот же грех?" – А Старец ему и говорит: "Ну раз впал, встань и покайся." – "А если опять впал?" – "Тогда встань и покайся опять." – "До какой же поры?" – "До самой смерти." Вот секрет, Сергей Николаевич, как пребывать в благодушии. Несть человек в миру, аще не согрешит. О том же и Св. Апостол Иоанн Богослов пишет. Но на всякий грех есть покаяние. И вот это то непрестанное покаяние спасает нас, с одной стороны от гордости и высокомудрия, а с другой не дает впасть в отчаяние.

– Как раз тут к месту молитва Иисусова, о. Аркадий. Там все взывается "Господи помилуй".

– Так оно и есть, брат Сергий. Мы грешим не только ежечасно, но ежеминутно, словом, делом, и помышлением – принимаем охотно прилоги, то есть неподобные, сомнительные, кощунственные или похотливые помыслы, рассматриваем их со всех сторон и соглашаемся с ними, и даже если не падаем, то потому только, что не имеем подходящего случая. Вот тут то и уместна молитва Иисусова. Пришел, например, тебе в голову хульный помысел или разожгло тебя вожделение к женщинам, или тянет тебя кого оскорбить или даже побить – то ты и обращайся к молитве Иисусовой, шепчи или в уме проходи: – Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного – и это медленно,

со вниманием и скорбью. И отстанут помыслы. А если внемлешь им и падешь, то тоже не отчаивайся, а читай ту же молитву. И умиротворится дух твой. Бесы имеют обыкновение представлять нам Бога перед падением милостивым и всепрощающим. Внушают, что Господь знает, как молодой и сильный мужчина склонен к нечистоте и строго не взыщет. А по грехе бесы представляют Господа суровым и беспощадным Судьей, дабы ввергнуть нас в отчаяние. Иных даже и до самоубийства доводят, не говоря уже о помешательстве. А взывающий ко Господу о помиловании всегда пребывает в смирении. Святый и Великий Антоний видел раз всю землю, усеянную ловушками дьявола и в ужасе вопросил; "Кто же тогда может спастись?" И услышал ответ – смирение. Вот почему важна молитва непрестанная, Иисусова. Многие, даже в монашестве, говорят: ни к чему она! Вполне довольно церковной службы да келейнаго правила. Но, во первых, мы не всегда в церкви или кельи, а искушения следуют за нами всюду, а во вторых, если бы выпевание да вычитывание молитв в церкви или в кельи подлинно спасало бы, то, как Старец Василий Пояпомерульский писал, певцы и чтецы на клиросе были бы всюду образцами добродетели, а сего мы не видим. Даже если поют красиво и читают верно, то внимание употребляется больше на самый порядок пения и чтения, как музыкальнее пропеть или по театральному прочесть, а не на смысл поемого или читаемого. Есть, конечно, певцы и чтецы весьма духовные...

– А скажите, о. Аркадий, что выше – жизнь деятельная, как вот в киновии или общежитии или в одиночестве, в затворе или на пустыньке?

– Всему свое время. Новоначальному надо идти в общежитие, чтобы его перетерло. Вон камни на берегу озера или моря бывают угловаты и вострый – как попадут в воду, а потом потершись друг об друга так отшлифуются, что как яйцо или шарик становятся. Так вот общежитие перетирает наши угловатости и испы-

тывает наше смирение, терпение, безгневие, нестяжание. А когда все эти добродетели станут нам обычны, тогда только можно устремляться на одиночество, уже в годах, лет к пятидесяти, а раньше это только прихоть и суета, и многомнечие. А вот, если кто обтерся и с молитвой Иисусовой свыкся, тому можно и даже должно идти на одиночество и готовиться к переходу в мир иной, духовный. Ибо, в чем застану, в том и сужду. Кто, как мудрые девы, всегда будет наготове и в молитве Иисусовой, имеет масло для факела своей души, тот и переходит в мир иной готовый и призываемый. Вот о такой-то кончине мы и просим в ектениях: *христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на страшном судищи Христове.* Вот какова молитва Иисусова. Подвизающийся в ней право – бывает смирен, прост, радушен, благостен. Чего же более мы можем желать?

Стояло чудное летнее утро. На синем небе горели золотые кресты храмов, белых, розовых, светло-желтых. В яркой зелени деревьев пели птицы. Мирная радость была разлита повсюду.

### *5. Н.Н.М. Нерко-ерви.*

Я сидел с Ниной Николаевной на балкончике лесной дачи в Нерко-ерви, среди громадных лесов, тянущихся от Куомио на юг, к тундрам Лапландии. Дача стояла одна в дремучем лесу, на берегу тихого озера. Солнце садилось и золотило тихие воды. Я постоянно любовался озером и игрою красок на нем. Утром оно было темно-синее в сумерках рассвета, потом розовое на заре, затем золотое, зеркальное, голубое, к вечеру опять золотое, затем красное, фиолетовое, черное. Голубое небо было безоблачно. Какие-то птички щебетали в лесу. С клумб тянуло ароматом цветов и свежестью озера. Муж Нины Николаевны и дети уже легли спать, только мы оставались еще на балкончике, любуясь

сменой красок на озере. Белая ночь царила во всей красоте.

– У Вас так тихо, Нина Николаевна, словно на другой планете или триста лет тому назад, когда народу было мало, не было ни железных дорог, ни автомобилей, ни аэропланов. Но и тогда люди, искавшие тишины, уходили дальше на север, на острова Ледовитого Океана, в Соловки.

– Я здесь только и отдыхаю душой, Сергей Николаевич. Здесь нет никого, озера и леса, ни городов, ни деревень. В большом городе жить так тяжело: шум, отравленный воздух, суета, многолюдство. А где люди, там всегда интриги, зависть, клевета и т.п. Когда я была молода, вся эта суета и шумиха мне нравилась. Внешнее я принимала за настоящее. И конечно, ошибалась. Мой первый брак был глубоко несчастен. Мой муж был красив и умен, но поверхностен, беспорядочен, без веры и принципов. Когда все это кончилось трагедией, я вернулась к вере. Я поехала на Валаам,к о. Иоанну, спросить совета. "Знаете что, раба Божия, сказал он, не убивайтесь, что все развалилось и жизнь кончена. Вы молоды и многое еще может измениться, а потом, Господь никогда не попускает испытаний выше сил. Всегда это помните. Есть такое предание: некий монах очень огорчался тяжестью своей жизни и роптал, прося себе креста полегче. И раз видит он сон, будто он в большой пещере, все стены которой увешаны крестами. Были тут кресты золотые, серебряные, железные, каменные и т.д. И вот был ему голос:"Молитва твоя услышана, выбери себе любой крест, по силе твоей". Монах стал искать с великим тщанием и нашел, наконец, маленький деревянный крестик. – "Могу я взять этот крестик?" вопросил он. – "Но это и есть твой крест, прочие еще тяжелее", ответил голос.Вам кажется, что крест Ваш тяжел, а я, как Старец, такие слышу часто ужасы, что Вам грех Бога гневить. Молитесь чаще, да хоть изредка повторяйте молитву Иисусову и предайте себя воле Божьей, и Господь Бог сам

укажет Вам путь, по которому идти; тогда придите ко мне и я скажу, что сумею." И отпустил меня.

Прошло несколько лет. Я служила на скромном месте и жила тихо, тихо. Однажды пригласили меня на какой-то вечер, были даже танцы. И хотя мне было уже за тридцать, подошел ко мне один господин, немного старше меня и предложил с ним потанцевать. Я согласилась. Потом как-то еще встретились раза два. Мне сказали, что этот господин холостяк, один из самых богатых людей Скандинавии, почтенный и всеми уважаемый. Был он, мой теперешний муж, человеком очень интересным. Через два или три месяца нашего знакомства он предложил мне стать его женой. Родители были в восторге: какая партия! Но, ожегшись первый раз, я была очень осторожна и просила времени обдумать ответ. Мой жених согласился.

Я поехала к Старцу на Валаам просить его совета и рассказала ему все. Он задумался на несколько минут, а потом сказал: "Раба Божия, помните, я Вам говорил тогда, что все устроится и что Сам Бог выведет Вас на путь потребный. И вот Он вывел. Только помните, что скорби и страдания не исчезнут, а только изменятся. Вместо маленького деревянного креста, жизни смиренной, бедной, незаметной, Вам дается крест золотой, много тяжелее, но и его можно нести, если подвизаться в милосердии и благотворении, но он тяжелее. Вам будут завидовать, клеветать, стараться поссорить с мужем и его семьей и т.д. Но если Вы не привяжетесь к богатству, почестям, а они скоро придут, и суете житейской, то сможете сохранить внутренний мир, особо если будете подвизаться в молитве Иисусовой, сколь можно. И еще советую, удаляйтесь, хотя на месяц, ежегодно, в глухое место и там предавайтесь молитве и богомыслию. Увидите, как это полезно."

Вот я уже замужем немало лет и каждый год ездим на месяц сюда. Сначала муж и дети не очень то были довольны, а теперь сами ждут, когда сюда приедем. Здесь как рай. И я должна сказать, что Старец

был прав. Крест миллионов тяжелее креста бедности и опаснее. Так легко впасть в гордость и окаменное нечувствие к чужим страданиям.

На Новом Валааме есть теперь чудный Старец, иеромонах Михаил Затворник. Побеседуйте с ним о Ваших трудностях в жизни и он Вам преподаст совет. Я замечала в жизни, что к чему стремишься упорно, несмотря на все возрастающие препятствия, то хотя великими усилиями и достигнешь желаемого, то не на пользу, а на погибель. Или совсем измучаешься и все станет безразлично, или увидишь, что игра не стоила свечь. Что от Бога, то само приходит, вот как в Евангелии говорится, не приходит Царствие Божие приметным образом, ибо Царствие Божие внутрь вас есть. Давно, давно, когда начались у меня, при первом муже, большие горести, то я говорила мудрой моей тетке: Я уйду от мужа, брошу все, и опять буду веселая и живая, как раньше. Тетка же мне ответила: "Вот и видно, что молода ты, Нина. От себя никогда не уйдешь, а если у тебя на душе мир, то тебе будет всюду хорошо. От скорбей в жизни не уйдешь, терпеть надо, молиться и ждать – и Господь укажет путь в свое время. Так и есть. Но в молодости этого не понять."

Мы замолчали. Озеро становилось чернее. "Уже 11 часов вечера, заметила Нина Николаевна, а светло, как днем. Пора и на покой, Сергей Николаевич. Спокойной ночи!"

### *6. Старец Василий. Александро-Невская Лавра.*

Мне было тогда лет семь, самое большее. Я шел раз с бабушкой Елизаветой Алексеевной по мосту через речку Монастырку в Александро-Невской Лавре в Петербурге. Дело было зимою, в январе, в большой мороз при солнце. Гляжу, движется к нам высокая, необыкновенная фигура: старик в синем подряснике, с непокрытой головой, седые волосы, бородатый. В руках

у него был посох из черного дерева с короной наверху. Что меня больше всего изумило: старик шел в лютый мороз, по снегу, босиком – и ноги у него не были красные, отмороженные, но розовые, словно он шел по мягкому ковру.

Я остолбенел от удивления, и еще больше, когда старик, завидев бабушку, прямо направился к нам. "Здравствуйте, многопочтенная Елизавета Алексеевна. К мощам прикладываться идете, в такой мороз? Правильно поступаете. От Господа не может отдалить нас ни зной, ни мороз. А этот мальчик с Вами, внучек будет? И его с собой взяли. Хорошо, хорошо. Господь с вами." И величественный старик поплыл мимо.

– Кто это, бабушка? спросил я ее.

– Это Старец Василий, внучек. Духовный человек. Всюду его принимают. К самому Государю вхож. Посох то его с короной, самим Государем подарен.

– А как же он, бабушка, босиком гуляет? У меня, вот, меховые сапожки, и то ноги зябнут, и шапка с ушами, а у него и руки без варежек, и голова непокрыта. Как так?

– Его молитва согревает. Вон на Дальнем Севере, в старину, преподобные в пещерах жили, а иные даже в дуплах больших деревьев помещались. И в какие морозы, что здешние! А согревала их молитва.

– А какая же это молитва, бабушка?

– Эта молитва называется Иисусовой: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Ее монахи обязаны читать келейно, но и мирянам неплохо. Вот, кто в этой молитве утвердится и непрестанно ее читает, тот и согревается. Ни жара, ни холод ему нипочем. И голод, и жажду чувствует он мало. Нынче, впрочем, как оскудела вера, то и в монастырях молитву эту или забывают, или кое как отчитывают, а потому и нет у нынешних монашествующих такого дерзания веры, которое горами двигает и недуги исцеляет. Раз Старец Василий босиком в двадцатиградусный мороз идет, значит есть у него вера и молитва.

– Это только монахи подобной молитвой занимаются? спросил я бабушку.

– Нет, не только они. Вот отец Иоанн Кронштадский тоже великий молитвенник, чудеса творит и людей исцеляет. Есть и в миру такие люди. Впрочем, ты еще мал все это понимать, а потом поймешь. Вон у твоей мамы сестра деда игуменьей была и даже по старой вере. А земляк ее митрополитом Петербургским был, Владыка Палладий. Ну а теперь митрополитствует Владыка Антоний. Очень хороший человек. Когда-то профессором был. Умерли у него жена и дети, и пошел он в монахи – и вот теперь уже давно митрополитом. Я еще покойного Владыку Исидора помню. Тому было далеко за девяносто лет, когда он скончался, а все правил, на покой не пошел. Кто скудно да постно живет, тот долго проживет и хорошо скончается. А ты вот лакомка, поесть любишь, это нехорошо. Ни к чему пристращаться не надо. Все проходит.

– То есть, что проходит? спросил я бабушку. Вот зима и лето проходят, это я знаю, а что еще?

– Да вот, был у тебя дедушка, Аврамий Павлович, а теперь его нет. Прошел.

Подобное рассуждение меня озадачило, но дальше расспрашивать бабушку я не решился. Мы вошли в Троицкий Собор, где было тепло и светло. Бабушка взяла две свечи и мы пошли поставить их к раке угодника, Святого и Благоверного Великого Князя Александра Невского. По выходе встретился нам важный иеромонах.

– С внучком пришли, Елизавета Алексеевна? И в такой мороз! Похвально.

– А мы Старца Василия встретили, вставил я свое слово. Идет босиком и с непокрытой головой и не холодно ему. Как же это?

– А ты любопытствуешь? улыбнулся монах, – его молитва Иисусова как шубой укрывает. А по снегу он идет, как по мягкому ковру. Об этом еще новопрославленный Саровский угодник, преподобный Серафим по-

учал. Вот и ты молись также. Выучи эту молитву и повторяй и все сам увидишь. Теперь ты для этого дела мал еще. Но в свое время начни, а то развратишься и веру совсем оставишь, вот как студенты тут у нас. А без веры, братец, не проживешь.

– Внучек мой, заметила бабушка, очень набожный. У него в комнате икон-то – прямо стена. Зажигает свечи и лампады пред ними и молится. Видно в игуменью Анфису пошел.

– Набожные то набожные. а выросли – в безбожие ударяются. А ты, Сережа, молитвы не оставляй. Как хочешь молись, а молись. Времена тяжкие приближаются. Вон революция была, заглохла пока, но на время. Да вот и преподобный Серафим тяжкие времена провидел. Только молитвой да страданиями и держаться придется. Мы то с Вами, Елизавета Алексеевна, до этих страхов не доживем, а ему то, внучку, ей придется. Вот тогда-то молитва и поможет.

Возвращаясь с бабушкой домой я все раздумывал о слышанном. Запало в душу.

## *7. Евгений Николаевич Розов. Псково-Печерский монастырь.*

Я встретился с доктором Розовым в Псково-Печерском монастыре в 1926 году. Он был участковым врачем и одновременно лечил братию, за что ему полагалась квартира в первом этаже Архиерейского Дома. Евгению Николаевичу было за пятьдесят лет и был он вдовцом. Его сын, тихий и умный мальчик, учился в Печерской гимназии. Жили они очень просто. Доктор Розов происходил из духовной семьи, учился в семинарии, но в священство не пошел, а стал врачем, блестяще кончив Томский Университет в Сибири по медицинскому факультету.

Евгений Николаевич был не только благочестив и богословски образован, но еще и духовен. Было в нем

глубокое смирение и великая любовь к ближнему. Никому и никогда он ни в чем не отказывал. Просили его ехать далеко к больному – он ехал безвозмездно, просили совета – он давал, просили в дом – не отказывал. И никогда ни в чем не нуждался.

Раз я сидел у него вечером. В открытые окна лился запах сирени и жасминов из Архиерейского сада. Древние монастырские церкви, розовые, светло-желтые, белые с синими куполами, усыпанными золотыми звездами, выступали отчетливо на зелени садов в прозрачном сумраке белой ночи севера. Стояла глубокая, торжественная тишина. В небольшой комнате, перед старинной иконой, теплилась неугасимая лампада. Евгений Николаевич сидел в кресле, в белой русской рубашке, подпоясанной белым же пояском. Со своей седеющей уже бородкой он очень напоминал деревенского священника у себя на погосте.

– Скажите, Евгений Николаевич, как это Вы устраиваетесь, всегда благодушны и никогда не беспокоитесь о деньгах и чем жить, так мне передавали. Как это?

– Люди всего наговорят, Сергей Николаевич, а я только одно скажу, по-евангельски, ищите прежде всего Царствия Божия и правды его и все остальное приложится Вам. Как вы знаете, я – сын протоиерея, кончил семинарию, в детстве и юности часто бывал с родителями то в Троицко-Сергиевской Лавре, то в Оптиной, то в Сарове, то на Валааме и т. д. Вот раз такую я слышал историю от гостиника в Оптиной Пустыне. Приехал раз туда на богомолье богатейший московский купец и пришлось ему из-за распутицы задержаться на три дня больше, чем думал. Был он с сыном. Уезжая он и говорит гостинику: "Сколько тут за меня и сына Вам приходится, Отец?" А тот и отвечает: – "Сколько положите." – "А если я ничего не положу?" – "Воля Ваша." – "Да ведь так-то у Вас из ста богомольцев может один только и заплатит?" – "Бывает, но зато сотый за всех прочих девяносто девять запла-

тит." – "Ну, сынок, говорит купец сыну, раскошеливайся, с нас обоих за сто за каждого приходится." И охотно заплатил, и был доволен. – Вот благословил Господь покормить нищую братью. Да вот и покойный родитель мой, протоиерей Николай Розов всегда мне говорил: "Станешь, Евгений, врачем и придут к тебе бедняки, а заплатить им нечем, так ты и не взыскивай, да еще и лекарства купи. Господь тебя не оставит, проживешь, и душа твоя будет всегда покойна и совесть зазирать тебя не будет." Я так и делаю – и вот живу. Кто может заплатить, спасибо, кто не может – для Бога стараюсь. Ведь говорится, что кто малым чем послужил – Богу послужил. Вот видите там кто-то чудесные банки с вареньем принес, даже не знаю, кто. И все несут, и деньгами, и вещами. Не только для меня с сыном довольно, но и другим раздаю. Помните, у Апостола Павла: "Имея пропитание и одежду будем довольны тем, а желающие обогащаться впадают в искушение". В Евангелии помните, что сказано: "Не можете служить Богу и маммоне", а сребролюбивые фарисеи смеялись. Но смеется тот, кто смеется последний. Так вот и Вы, старайтесь о едином на потребу, а остальное приложится.

– Как же это, Евгений Николаевич?

– Вот и видно, что Вы еще малоцерковный человек. Запомните раз навсегда, что самое важное – стяжать мир на душе, а когда стяжите, ни в чем у Вас не будет недостатка, ибо сказано: Стяжи мир духовный и тысячи спасутся вокруг тебя. Вот эти-то тысячи так много всего нанесут, что не будешь знать, куда и девать все это. Беспокоиться об этом совершенно незачем. Вот неверующим, тем надо и очень. Они все себе хотят присвоить, у другого стянуть – живешь ведь один раз. Ну, для них долг платежом красен.

– Вот Вы, Сергей Николаевич, едете на чужбину, сначала в Бельгию и Францию, к католикам, и потом, может быть, и к протестантам, туда, сюда. Ничего не случается без воли Божьей. Значит надо ехать, если

все само собой устраивается. Но Вы начинаете что-то новое, неслыханное, какое-то общение с католиками. Многим оно кажется подозрительным, а Вы – человеком, желающим пристроиться. Но они ошибаются, Сергей Николаевич. Я – старый врач и много видел людей. Вы человек простой и бесхитростный, не из числа "устраивающихся". И посему придется Вам испытать немало скорбей, бедности крайней, непонимания, презрения. Но Вы не отчаивайтесь, а терпите благодушно, живите просто, просто – и смиренно. И в свое время придет то, что Вы и помыслить сейчас не можете, я говорю об успехах в Вашем дерзании. И тогда Вы поймете, что значит получить во сто крат. Но сначала много надо пострадать, дабы достичь покоя, отрешенности в мире, вот как я стараюсь. Так и Вы ни к чему преходящему не привязывайтесь, а идите своим путем. Вы *Добротолюбие* то читали?

– Читал, Евгений Николаевич, но сказать честно, мало там понимаю.

В свое время опытно поймете, вот когда моих лет достигнете. Ну вот, там есть немало о блюдении помыслов, да еще о молитве Иисусовой. Она вот много Вам поможет.

– А можно ли живущим в миру, да еще молодым, как я, дерзать на такую молитву?

– Можно. Вон Странник в *Откровенных Рассказах,* в Ваших годах был. Да еще вот орловский купец Немытов. Тот вот и миллионером был, а так высоко взошел, что сам Старец Макарий Оптинский удивился. Впрочем, этот Немытов в конце жизни от всего отстранился, да и меня тянет, только вот сына надо сначала правильно поставить. А в молитве, как и во всем, идите умеренно. Все придет с годами, только стараться надо. Когда Старца Амвросия просили, чтобы он за кого-либо из братии походатайствовал о "продвижении", то Старец отвечал: "Со временем все дадут, и мантию, и иеромонашество, только вот Царствия Небесного никто не даст, самому стараться надо." Вот и старайтесь о мо-

литве сердечной, ибо "Царствие Божие внутри Вас есть и употребляющие усилия достигают его".

### *8. Иеросхимонах Михаил. Новый Валаам.*

Моя последняя беседа с о. Михаилом на Новом Валааме была самая глубокая и поучительная. О. Михаилу было уже тогда за 80, но он был молод и сердцем, и умом. Я сидел у него в кельи. Дело было в августе. Стоял теплый вечер. Солнце садилось по другую сторону озера, за бесконечные леса. Стояла глубокая тишина, как на картине Левитана "Вечный Покой".

– Скажите, о. Михаил, в чем главные этапы духовной жизни?

– Да вот, как тебе о. Аркадий объяснял в Печерской Обители. Никто не спасся без смирения. Помни, что до конца жизни ты будешь впадать в грехи, тяжкие или легкие, гневаться, хвастаться, лгать, тщеславиться, обижать других, жадничать. Вот это-то сознание и будет держать тебя в смирении. Чем тут гордиться, если ежедневно грешишь и обижаешь ближнего. Но на всякий грех есть покаяние. Согрешил и покайся, опять согрешил – опять покайся, и так до конца. Делая так никогда не будешь отчаиваться, а постепенно придешь в мирное устроение. А для этого нужно блюсти помыслы. Бывают они добрые, безразличные и худые. Последних никогда не принимай. Как появился прилог, отсекай его сразу молитвой Иисусовой. А если станешь его рассматривать, то он к тебе приразится, ты им заинтересуешься. Он тебя очарует и ты с ним согласишься и будешь обдумывать, как бы его исполнить, а потом его исполнишь делом – вот и грех.

Но есть и такие помыслы, которые представляются невинными, а доводят до великих искушений и тяжких грехов. Мне рассказывали, что была в Уфимском женском монастыре некая прозорливая старица, а духовником в том монастыре был очень хороший вдовый

священник лет шестидесяти. Вот раз, ложась спать, он вспомнил, как тридцать лет тому назад, когда еще его жена и дети были живы, он укладывал детей спать. И умилился. А потом вспомнил жену, ну и пошло, мысли уклонились куда не подобает. Так что он провел всю ночь в молитве и поклонах, такое было искушение. А утром старица вызвала его к себе и спрашивает: "Что такое с Вами, батюшка, было? Силы нечистые роились вокруг Вас, как мухи". Духовник чистосердечно признался: вот куда могут завести нас мысли, сначала кажущиеся хорошими. Психиатры толкуют там о психоанализе и разном, но где же нам во всем этом разбираться, что хорошо и что нет. А посему, взывай ко Господу непрестанно: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Сказано у Апостола Павла, что кто исповедует Христа Сыном Божиим и будет вопиять к Нему непрестанно – спасен будет. Ты вот, Сереженька, упражняйся, как можешь, в молитве Иисусовой и постепенно придешь в умиротворение, а знаком будет тебе глубокий мир души, необуреваемое спокойствие.

– А дальше что бывает, о. Михаил, вопросил я Старца.

– А вот что. Есть два вида безмолвия: Первый вид – молчание. И это не плохо, по крайней мере других не соблазняешь и не обижаешь. Но оно недостаточно. Отцы пустынные говорили, что отшельник, сидящий в своей пещере и никого не видящий подобен, однако, аспиду, сидящему в своем логове и полному смертоносного яда, если он вспоминает обиды когда-то ему сделанные, и гневается. Второй вид безмолвия – это безмолвие внутреннее. О нем те же Отцы говорили: есть Старцы, которые говорят с утра до вечера, пребывая постоянно в безмолвии, ибо не говорят они ничего, что не было бы полезно другим и им самим. Вот это и есть безмолвие внутреннее. Его добивайся, Сереженька. А когда достигнешь и перестанешь судить других, то встань и возблагодари Господа, оказавшего тебе столь великую

милость. Недалеко ты тогда от чистоты сердечной. А знаешь, что только чистые сердцем могут узреть Бога. Иным, впрочем, другой бывает путь, путь благодатных слез. Эти слезы не те, которые у всех бывают, когда трогается их сердце потерей близких, чтением книги, слушанием какой-нибудь истории и прочее. Благодатные слезы льются, как ручьи, и бывает это года два – три, непрестанно. Слезами этими попаляется, как огнем, все нечистое в душе и приходит она в великое умиротворение и зрит Бога.

– А что значит, о. Михаил, "узреть Бога"? Метафора ли это или что?

О. Михаил посмотрел на меня испытующе и задумался: – Конечно, "Бога никто же виде нигде же: Сын, сый в лоне Отчи, Той яви". Говорится еще: "херувимы и серафимы, предстояще Богу, лица закрывающе". Бога, существо Бога, мы не только увидеть, но и уразуметь не можем. Но мы можем видеть славу Божию, нерукотворный и неизреченный свет Фаворский, который видели три избранных Апостола на горе. Вот этот-то свет видел Мотовилов, когда беседовал с Преподобным Серафимом. Это и есть наитие Св. Духа, Царствие Божие, пришедшее в силе. Видел таковое же и Святитель Тихон Задонский, еще до епископства. Удостоился узреть его и Игумен Антоний Путилов, Малоярославский, еще юношей. Я уже не говорю о видениях Преподобнаго Симеона, Нового Богослова. Сподобляются видеть свет сей весьма немногие.

– Скажите, батюшка, имеются ли ныне подвижники, которые видели бы этот свет неприступный?

– А почему нет? Таковые подвижники имеются, надо думать. Только к чему об этом расспрашивать? Раз ты веришь, что свет сей является, для чего тебе знать больше? Блаженны не видевшие, а уверовавшие. Мотовилову дано было видеть сей свет, как "уверение".

– А это что такое, батюшка о. Михаил?

– А вот, говорится в повествовании о сибирском

Старце Данииле Агинском, которого почитал глубоко Преподобный Серафим Саровский, следующее: "Одна богатая сибирячка, окормлявшаяся у Старца Даниила, возымела намерение поступить в монастырь, объехала немало девичьих монастырей в России и Сибири и все не знала который выбрать. Поехала она к о. Даниилу и просила его указать ей, куда поступить. А он ей и отвечает: «Если я тебе укажу какой, а тебе не понравится, то ты скажешь потом: никогда бы я сюда не поступила, да вот Старец сказал. И на меня будешь серчать, и сама будешь недовольна. А ты все еще ищи и когда найдешь, что нужно, то взыграет у тебя сердце и будет это тебе в уверение.» Так и случилось, когда эта сибирячка вошла в Иркутский Девичий Монастырь. Взыграло у нее сердце и она там осталась, и позже стала игуменьей Сусанной."

– Твое призвание, Сереженька, то же, как говорил Преподобный Серафим игумену Надеевскому Тимону: "Сей доброе слово куда попало, при дороге, в терние, в каменья, в хорошую землю. Кое что взойдет и плод принесет, и даже сторичный". А стараться надо достигнуть тишины духа, ибо в душе мятежной доброго быть не может. А когда угомонишься, станешь умным, то многое сделаешь. Я говорил тебе о безмолвии внутреннем – вот это-то и есть истинный затвор и отшельничество, а молитва Иисусова, непрекращающая служение Богу внутри сердца, где и есть Царствие Божие, право понимаемое, поможет тебе во всем.

### *9. Бабушка Мария Николаевна. Черное, Нижегородская губерния.*

Моя мать скончалась в июле 1918 года, на второй год Советской Революции, у себя на родине, в Черном, и погребена в родовой усыпальнице Балуниных, в Желнике. Моей матери было всего 40 лет, когда она умерла и семь лет она была больна, сначала туберкулозом,

а когда его залечили, то сердцем. Трагедия моей матери заключалась в том, что она – женщина богатая и красивая, вместо того, чтобы пользоваться благами жизни, должна была быть больной и страдать. Была она женщина весьма религиозная, блюла посты, молилась по старым обрядам, придерживаясь единоверия. Я обязан ей твердыми устоями в вере.

Бабушке, Марии Николаевне Балуниной, было в 1919 году уже шестьдесят с лишком. Она была величавая, властная и суровая, но правдивая, справедливая, религиозная, как и моя мать. Нелегка была ее жизнь в первые годы брака – она была второй женой моего деда, но потом она все взяла в руки: мужа, детей, большое имущество и т.д.

Раз вечером, вскоре по кончине моей матери, я сидел на балконе великолепного бабушкина дома, с чудным видом на широкую и многоводную Оку и далекий горный берег.

– Ты грустишь, Сережа, заметила бабушка, подходя ко мне. Не грустить, а радоваться надо.

– Почему, бабушка?

– Мать твоя, покойная Лида, теперь там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания. Скончалась она по-христиански, тихо и без страданий, и погребена рядом со своим отцом. Жизнь ее, как жены и матери, была примерной. Значит все хорошо. Господь ее призвал именно, когда следует. Наступают времена тяжкие войн и междуусобий: ей бы пришлось еще больше мучиться. У Бога не как у нас: пути Его неисповедимы и всегда к лучшему. С годами это легче понять. Когда я была в твоих летах, семьнадцати лет, ездила я с матерью в Керженские Скиты на пострижение моей подруги и родственницы Леночки. Как сейчас помню тот день. Было это после Пасхи. Чудный весенний день. По синему небу плыли белые облака, тихо стояли березки у дорожки, а вокруг – дремучие леса Керженские, избушки насельниц, садики – и все залито солнцем, но неярким, а вот как на картине Нестерова "Великий По-

стриг". Также, как и на картине, шла процессия – впереди новопостригаемая, красивая и тихая, с белицами, а потом – чинные старые монахини. Твоя прабабка, сестра прадеда твоего, а моего тестя, Павла Петровича, Анфиса, была тогда игуменьей. И так мне было хорошо тогда, что думала я – и мне бы так остаться в тиши и молитве. Но Господь судил мне выйти замуж за сурового и придирчивого вдовца с малыми детьми. И многое мне пришлось испытать. Благословляя меня под венец покойная моя матушка сказала мне: – "Машенька, вот ты выходишь за богатого вдовца с малыми детьми, а тебе самой и девятнадцати лет нет. Многое придется тебе испытать, но будь верна долгу и помни, терпение и труд все перетрут." Так и случилось. И никогда я не сожалела о том, что могло бы быть. И тебе не советую. Помни слова Писания: "Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни". Вот сообщают, что расстреляли в Екатеринбурге Государя Императора Николая Александровича и притом со всей семьей и близкими. Такого злодеяния не было на Руси со Смутного Времени, которое продолжалось, пока не погибли все эти убийцы и предатели, сами себя уничтожившие. Так и ныне будет. Тебе бы должно в порядке вещей быть человеком очень богатым, жить в довольстве и почестях, и все это Революция, – а правильнее Господь Бог, – все это от тебя отнимает. Но не жалей, за это дается тебе великая свобода духовная, не связан ты больше именьями, делами, заводами.

– А как Вы, бабушка, мне посоветуете, если разгорится дальше Революция и все будет потеряно?

– Да как я тебе сказала: живи по совести и никогда не поступай наперекор ее ради карьеры или прибыли. Те, кто так поступают, получают должное в самих себе, в раздражительности, в заботах об имуществе и почестях, в интригах, в унижениях, в зависти к более преуспевшим. А если кто впадает в преступление, то еще хуже бывает. Подлинно, человек пожнет то, что посеял. Кто посеет доброе, тот доброе и пожнет, а если

злое, то злое. Время наступает безбожное, а ты не смотри на других, держись веры, и не будешь постыжен. Молись, вот, как игуменья Анфиса делала — стоит, как свеча, и поклоны кладет, а было ей далеко за семьдесять. А умерла она за девяносто, в старости доброй, без глухоты, слепоты и параличей, просто уснула и почила от трудов праведных. Дело, впрочем, не в поклонах, а в чистом сердце и совести незазорной. Была я в Сарове на прославлении Преподобного Серафима, видела его пустыньку и камень, где он молился. Великий был Старец и достиг великого, ибо подвизался много в молитве Иисусовой.

— Скажите, бабушка, а в миру тоже в ней подвизаются?

— Бывает. Я встречала кое-кого, больше по купечеству, а дворяне, те очень уже от веры отошли, хотя и там встречаются люди благоверные. Вот был, например, богатый купец Сибиряков, много пожертвовавший на Андреевский Скит на Афоне и там постригшийся. Оптинский архимандрит Моисей Путилов был тоже из купцов, и еще в миру Иисусовой молитвой занимался, Орловский Немытов и другие. Да и у нас, в Нижнем, были. Одного я хорошо знала, когда я только что вышла замуж. Мне было лет двадцать, а ему за пятьдесят. Он был третьим сыном купца миллионера и отец благословил его на монашество. Пошел он за советом к покойному о. Амвросию, в Оптину, а тот и говорит, как всегда, прибаутками: ты знаешь, кто суров, тому и Саров, а кто упрям, тому и Валаам. Суровости в тебе я не приметил, а настойчивости у тебя много. Упористый ты человек. А посему, направляйся на Валаам, там тебя всему научат. Ну он и пошел, и был там уже несколько лет, и мантия уже ему подходила, а тут оба старших брата умерли, оставив малых детей, а отец одряхлел. Старец и благословил его вернуться в мир и только молитвы Иисусовой не оставлять. Хорошо повел валаамец дела купеческие, и все чисто, благородно, без обмана и утеснения малых сих. А когда племян-

ники подросли, то сдал он им дела, а сам постригся в отдаленном сибирском монастыре и там поставил себе пустыньку, и скончался далеко за восемьдесять лет. Говорила мне покойная матушка, когда он еще в миру жил, что тянуло его крепко обратно в монашество. Да так и должно быть. Здесь, в миру, все проходит.

### *10. Печенгский схи-игумен Иоанн. Новый Валаам.*

Раз мы сидели в августе со схи-игуменом Иоанном в саду Нового Валаама и беседовали. День был теплый и солнечный, но уже чувствовалось приближение осени. Прозрачный воздух, резкие тени. Тихое утро золотилось на солнце.

– Скажите, о. Иоанн, об уклонениях в молитве Иисусовой. Бывают они, или нет?

– Как же не быть? Бес всюду приражается. Если к мирянину приставлен для искушения один бес, то к монаху два, а к делателю и все три. *Сборник о Молитве Иисусовой* и *Беседы о Молитве Иисусовой*, которые издал покойный игумен Харитон, читали?

– Читал.

– И там об этом говорится довольно много, а сущность та, что при молитве Иисусовой надо иметь глубокое смирение и отнюдь не мнить. А иные мнят. Для чего мы читаем молитву Иисусову? Чтобы, постоянно помня Господа и каясь в грехах, прийти в духовное умиротворение, внутреннее безмолвие и любовь к ближнему и правде – тогда мы живем в Боге, который есть любовь. Но есть люди, которые смотрят на эту молитву, как на некую магию, которая им доставит чтение мыслей, прозрение, дар чудотворений и исцелений и т.п. Такой подход к молитве крайне греховен. Так поступающие обольщаются бесами, которые им дают от себя некую власть, чтобы их совсем погубить, навеки. Вот был я игуменом на Печенге. Это очень далеко, на берегах Ледовитого океана. Летом солнце три месяца не

заходит, а зимой трехмесячная ночь. И великое одиночество. Бурный океан и безлюдная, унылая тундра кругом. В таких условиях бывает, что молясь исступленно некие иноки весьма повреждаются и начинают слышать голоса и видеть видения и т.п. Одному такому стали слышаться голоса в кельи, будто ангельские, внушавшие ему, что он достиг дивной высоты и может чудеса творить и даже, как Спаситель, по водам ходить. Убедили эти голоса бедного испытать себя на деле, пройти по тонкому льду, якобы он уже невесом. Ну, он и пошел, и провалился в воду – и хоть он кричал и его вытащили, однако от холодной воды заболел и вскоре умер, покаявшись. Это крайний случай, а других бес иначе донимает. Молясь и видя в себе некий прогресс духовный, начинают они кичиться им и всех прочих считать низшими себя и недостойными, а в себе видеть избранный сосуд Божий. Такие молитвенники обычно всех осуждают, легко раздражаются при укорении, всегда в какой-то смуте. Хотя и говорится у Апостола Павла, что взывающий ко Господу Иисусу Христу о спасении и исповедающий Его Сыном Божиим спасен будет, но Сам Спаситель нас поучает, что *не всякий, взывающий "Господи, Господи" будет услышан, только тот, кто исполняет волю Отца Небесного.* А эти люди, хотя и взывают, сердце их отстоит далеко от Господа. Нужно, значит, к молитве прибавлять еще исполнение заповедей, ибо вера без дел мертва и делами вера достигает совершенства.

– А как узнать, о. схи-игумен, к кому обращаться за советом?

– Ищи себе Старца тихого, доброго, смиренного, пребывающего в мире совести и внутреннем безмолвии, то есть никого не осуждающего. А тех, которые всех осуждают, всем недовольны, да еще и сребролюбивы – от таковых беги, ибо с ними сам еще развратишься. Да помни еще и то, что со Старцем жить можно до поры, до времени, а как научился деланию молитвы, да блюдению помыслов, то зачем тебе и Старец? Нельзя

все время быть ребенком, а с годами сам за все должен отвечать. Да и сам ты можешь Старцем быть, когда придет время.

-- То есть, как это ?

– Да очень просто. Старец есть человек богатый духовным опытом и мудростию, и великой любовью к людям. Старцами бывали и простые монахи, как достопамятный Зосима Верховский, с которого Достоевский списал своего Старца Зосиму, а вовсе не со Святителя Тихона или о. Амвросия. Прочтешь житие Старца Зосимы, – сам увидишь. Таковы же были Старец Василиск Туринский, Иоанн Молдавский, схи-иеродиакон Мельхиседек, преславный Старец, доживший до 125-ти лет. Старец Даниил Агинский, великий подвижник и учитель, в Сибири, да вот Кузьма Бирский, были простыми мирянами, а к ним за советом ездили не только миряне и священники, но монахи и епископы, и из премудрых. А разве не Старец, да еще какой, автор рассказов Странника. В переписке о. Амвросия Оптинского я нашел, что был он из орловских крестьян, а как рукопись была найдена на Афоне, в Св. Пантелеймоновском монастыре, то вероятно там есть и оригинал этой рукописи. Вероятно этот Странник, возвращаясь со Святой Земли домой, в Россию, заехал на Афон, как многие паломники делали, да и рассказал о своих хождениях Старцу, иеросхимонаху Иерониму Соломенцеву, а тот приказал записать или Странник сам записал, да может на Афоне и остался. Как знать?

– А странничество – подвиг, о. Иоанн?

– Да и какой, только юродство выше, ибо труднее. Но юродствовать не дозволяется, а только очень немногим, по благословению великих Старцев. Мы и малого то снести не можем, куда уж там пускаться в великое. Вот о Старце Леониде Оптинском такую историю рассказывают. Один монах надоедал ему просьбами благословить на вериги, а Старец ему отвечал: "Зачем тебе вериги? Монашество само есть тяжкие вериги, если все делать как следует." Но монах все клян-

чил. Наконец Старец благословил, а затем вызвал к себе монаха кузнеца и сказал ему: "Придет к тебе завтра монах просить, чтобы ты ему вериги сделал, а ты скажи: – "Зачем тебе вериги?" – Да зауши хорошенько. На следующий день прибегает к нему разгневанный монах и объясняет, что он просил кузнеца сделать ему вериги, а тот вместо этого его заушил. "Ну вот, – сказал Старец, – ты одной пощечины не стерпел, а побежал жаловаться. Куда тебе носить вериги? Так вот и не надо выше головы прыгать."

– Вот мне о. Михаил говорит: сей, брате, доброе слово всюду, и в тернии, и при дороге, и на камени, все может что-нибудь и произрастет и плод принесет, даже сторичный. Что Вы думаете, о. схи-игумен?

– Ну, уж раз о. Михаил так сказал, надо слушаться. Сей доброе слово всюду, вот и будешь странствовать, как тот Странник. Это, брат, не малый подвиг.

– А смогу ли я выдержать, батюшка?

– – С верой сможешь, ибо сказано: "Все могу об укрепляющем меня Иисусе". Вот к молитве Иисусовой прилегай, она тебя и вывезет.

### *11. О. Мисаил. Пантелеймоновский монастырь на Афоне.*

С отцем Мисаилом я встретился на Афоне в 1951 году, когда он был гостиничником в Св. Пантелеймоновском монастыре. Он был высок, прям, в полном уме и твердой памяти, благодушен и ласков. Он прибыл на Афон в 1896 году и любил рассказывать, как он, по дороге на Афон, проезжал через Москву, приготовляемую к коронации Императора Николая II-го, которого он уважал еще более, чем Старец Михаил.

Раз я сидел в моей прекрасной комнате, в архондарике, с портретами императора Александра II-го и его супруги и митрополита Московского Филарета на стенах. Окна и двери на балкончик, по столбам которого вились цветущие глицинии, были открыты нас-

тежь. Внизу были видны монастырские здания и церкви, сады, горы и синее небо, залитое ярким утренним светом. Я сидел у окна и рассматривал найденную мной в отделе рукописей богатейшей монастырской библиотеки рукопись *Откровенных Рассказов Странника,* написанную прекрасным почерком и помеченную приемом в отдел много ранее издания печатных рассказов. Передо мной был несомненно оригинал, с которого архимандрит Казанского Черемисского монастыря издал свою книгу. Меня заинтересовал факт, при сличении рукописи и книги, что в последней были пропущены не только целые столбцы, но и два очень длинных рассказа.

В дверь постучали и в комнату вошел о. Мисаил.

– Я вот сказал Василию, чтобы он Вам чайку припринес с хлебом и вареньем, подкрепиться.

– Очень Вы обо мне, о. Мисаил, заботитесь, даже неловко.

– Да как же не заботиться? Вы редкий гость. Русские люди редко ныне сюда к нам приезжают, не то, что в старые года. Когда-то кто заглянет? А все больше иностранцы разные, протестанты и католики, а всего чаще просто любопытные, безо всякой веры, просто поглазеть. Живут, ходят из монастыря в монастырь. Все им показывай. Человека приходится для этого держать. А Вы тут рукописью какой-то занимались? Ишь, как красиво написано, и по-русски.

– Знаете, о. Мисаил, это подлинник *Откровенных Рассказов Странника.* Несомненно Странник был на Афоне и записал свои похождения для тогдашнего духовника, иеромонаха Иеронима Соломенцева. Когда же Казанский архимандрит издал эту рукопись книгой, он немало из нея выпустил: целых два больших рассказа, между прочим.

– Ишь ты. А почему же он их выпустил?

– Мелкие выпуски понятны. Там Странник сурово относится к богословам-академикам, из которых выходили архиереи. Такое свободомыслие могло не по-

нравиться иерархии, а иметь с ней затруднения Казанский архимандрит не хотел. Странник резко критиковал отжившую схоластику, тогда преподававшуюся. А два рассказа архимандрит выпустил, верно, потому, что думал, что они могут смутить читателей из иноков. Ведь рукопись была написана мирским человеком и для духовника.

– А что же говорится в этих рассказах?

– В первом, начало которого имеется в книге, рассказывается, как Странник ночевал на подозрительном постоялом дворе и как проснулся, когда тройка лошадей с пьяным ямщиком налетела на избу и разбила окно, под которым он спал. А в рукописи говорится, что когда Странник улегся спать, то пришла к нему женщина с этого же двора с намерениями жены Потифара и стала к нему ласкаться, что возбудило в нем похоть, и обычная его молитва самотечная приостановилась. Странник, вероятно, впал бы в грех, если бы не эта тройка. Женщина от этого потрясения сильно заболела, но была исцелена молитвами странника...

– Да, великое дело – молитва Иисусова, Сергей Николаевич, заметил о. Мисаил, подлинно от смерти и позора спасает. А это правда, когда подымается блудная страсть, то молитва Иисусова, самотечная, прекращается. Тогда уже усилие надо.

– А вот женатые люди этой молитвой почти не занимались. Как же это выходит? спросил я.

– Сравнили! Одно – законный, благословенный брак, а другое – блудная похоть, что появилась у Странника к чужой женщине. Тут блуд или еще и прелюбодеяние. Натурально о. архимандрит подумал, что кто не разбирается в вещах правильно, может соблазниться. А Вы знаете, что бывает за соблазн малых сих? Лучше бы тому человеку не родиться. Бес хитер. Он нас донимает не мытьем, так катаньем и может нас этой же великой молитвой угробить, если нет у нас смирения. Поняли? Я пришел сюда давно, давно, в 1896 году. Видел я и о. Стратоника, которым вот восторгался о. Си-

луан, о котором пишет о. Софроний, и даже о. Иларион, который написал *"На горах Кавказа"*. Спасался он там отшельником. Хорошая книга и уже два издания вышли и пропущены были цензурой. Ну, а о. Иларион не академик, может где и неясно о чем выразился, но вера была правой. Попалась книжка эта двум дворянчикам, ученым, о. Антонию Булатовичу, из Андреевского Скита, и о. Алексию Киреевскому, из нашего монастыря, и стали они спорить. Одному – книжка верх мудрости и праведности, а другому – полна ересей. Соблазнили они своими спорами немало простых монахов и пошла буча. Пришлось сотни русских монахов выслать с Афона, а тут еще война – и началось увядание русского Афона. А теперь до чего дошли? Одни старики остались, молодежи – никакой. Если бы о.о. Антоний и Алексий занимались бы молитвой Иисусовой как следует, в смирении сердца, то не устроили бы они этой свары. Какая уже тут молитва, когда друг друга последними словами обзывают? Тот, кто горд, нетерпим, властен, тому заниматься молитвой Иисусовой неподобает, если молясь, он все время грешит, и не кается. Тогда эта молитва ему во осуждение.

– А как же узнать, о Мисаил, человека, который правильно подвизается?

– Очень просто его узнать, Никого он не осуждает. Говорили об архимандрите Оптинском Исаакии, что когда приходили монахи жаловаться друг на друга, то он выслушивал их внимательно, приговаривая: "Ишь ты, какое слово сказал, и еще ударил – нехорошо, таких вещей допускать не следует", а заканчивал всегда так: "А поди-ка ты, отче, к обидчику, да попроси у него прощения." – "Да ведь он меня изругал и ударил!" – "А Христос сказал: «Если ударили тебя по щеке, подставляй другую», а ты ему скулы свернуть хочешь. Ведь он бы тебя не обидел зря. А вон ты до чего человека довел, поди, проси прощения." Никого не судил о. Исаакий, а о.о. Антоний и Алексий не так делали и кончили плохо. Будь всегда в мире, Сергей, и спасешься.

*12. Сергей Миронович Пауль. Юрьев.*

С Сергеем Мироновичем Паулем я познакомился в Юрьеве, по-эстонски – Тарту, в Эстонии, в 1924 г. Он был старшим сыном М.А. Пауля, эстляндского вице-губернатора, первого эстонца на этом посту. М.А.Пауль кончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где он был одним из любимых учеников архимандрита Антония Храповицкого, позже Киевского митрополита. Вскоре по окончании Академии Пауль перешел на гражданскую службу и быстро подымаясь в чинах был назначен эстлянским вице-губернатором, на каковом посту и скончался, на пороге самой блестящей карьеры. Сергей Миронович, по окончании среднего образования, поступил в Университет, а затем, по военному времени, в Военное Училище, откуда и был выпущен офицером. Сергей Миронович сражался в первую мировую войну, а затем,в гражданскую, в которой он получил, в Ледяном походе, страшную рану: пуля, войдя в левый глаз, вышла через правое ухо. Сергей Миронович ослеп на один глаз и оглох на одно ухо. Некоторые части мозга были затронуты и он был вынужден подвергаться каждые три года операциям в мозгу. Все это его нисколько не ожесточило и не озлобило. Сергей Миронович был всегда ровен, ласков и никогда никого не судил. Кроме него я знавал только еще одного человека с такой же особенностью, покойного архиепископа Уильема Темпла Кентерберийского. Вернувшись в Эстонию, Сергей Миронович блестяще кончил Юрьевский Университет и должен был бы остаться для подготовления к профессорской кафедре по химии. Вместо этого он ушел послушником в Псково-Печерский монастырь.

Было в Сергее Мироновиче что-то от князя Мышкина из *"Идиота"* Достоевского, и еще больше от Алеши Карамазова. Как и последний, он никогда не заботился о том, что есть и что пить, и во что одеться. И все както устраивалось к лучшему. О карьере никогда не думал, был прост, хотя высоко-образован и начитан. Все,

что имел, раздавал. В Псково-Печерском монастыре он пробыл около трех лет, но не постригся, а также, как и Алеша Карамазов, вернулся в мир и, как у Достоевского, по повелению своего Старца, иеромонаха Вассиана, скончавшегося иеросхимонахом Симеоном, в конце пятидесятых годов, в августе, 93-х лет. "Сергей Миронович, сказал ему о. Вассиан, гряди в мир, там такие люди куда нужнее, чем здесь. Учи самим примером жизни. А придет время, вернешься, если Господь благословит". По выходе из монастыря, Сергей Миронович жил недолго у моего покойного брата Константина, а потом был назначен управляющим одной химической лабораторией. Скончался он, как я слышал, в сороковых годах. Сергей Миронович научился молитве Иисусовой, когда он был еще в одном сербском монастыре в самом начале двадцатых годов. Он преуспел в ней изумительно, очень рано достигнув внутреннего безмолвия, постоянного спокойствия и радости. С Сергеем Мироновичем я часто бывал в Юрьеве и в Псково-Печерском монастыре.

Раз зашел он ко мне в келью, которую я занимал. Эта келья была одна из древнейших, еще со времен Преподобного Корнилия. В ней, по преданию, останавливались цари: Иоанн Грозный и Петр Великий, в ней жил иеромонах Лазарь, которого посещал Александр Благословенный, а также иеросхимонах-затворник Феодосий, которого посещал Николай II. Келья соединялась с пещерной церковью и пещерами посредством коридоров.

– Скажите, брат Сергий, спросил я послушника, как Вы осваиваетесь с новым положением?

– Очень хорошо, лучше, чем в Сербии, где было много русских интеллигентов. Без них лучше.

– Почему?

– Да потому, что простые люди, как здесь, цельнее, а интеллигенты от одного берега отстали, а к другому не пристали – и маются: старую, цельную, прадедовскую веру они потеряли, а вульгарного атеизма,

хамства и разнузданности переварить тоже не могут. Хромают на обе ноги. Здесь только Настоятель, да еще один иеродиакон из образованных, а все прочие – простецы, сиречь, мужики. Когда я сюда пришел, Старец мой, монастырский духовник о. Василий мне и говорит: "Вот, Сергей Миронович, Вы пришли в монастырь. В Сербии уже в монастыре жили, знаете, что за жизнь. Преосв. Феофан Затворник мудро писал, если уже в монастырь – так на одиночество, церковь да келья; молись и трудись – и все. Сиди в кельи, она тебя всему научит. А если будешь пускаться в беседы с братьей, то всего наслушаешься и не только из монастыря можешь уйти, но и веру потерять, удивляясь, как люди столько лет во Обители прожили, а полны пустоты, зависти, чванства и т.п. Вот ты научен молитве Иисусовой, в ней подвизайся, а за советами о ней обращайся к о. Аркадию: он много о ней знает. Вот я так и живу и отказываюсь ходить на беседы и разговоры, за что меня даже гордым считают.

– А скажите, Сергей Миронович, весьма-ли полезна молитва Иисусова?

– Очень, только нужно проходить ее в духе кротости, а иначе легко впасть в духовную прелесть и возомнить о себе недолжное.

– Вот Вы, Сергей Миронович, много изучали индуизм и буддизм. Там не так, как у нас.

– Конечно не так. У индусов или буддистов все горе от невежества и привязанности к миру, который лежит во зле, а спасение состоит в уничтожении личности, задутой, как свеча или растворившейся, как капля в океане. Но и там есть замечательные люди. Я слышал такую историю. У одного из богатейших и главнейших магараджей Индии был Диван, т.е. премьер-министр, его родственник, молодой, богатый, ученый. Все ему завидовали. Раз был во дворце банкет по какому-то случаю. Один из гостей иностранцев подошел к Дивану и говорит ему: "Вы человек весьма счастливый. Вы знатны, богаты, молоды, здоровы. У Вас прекрасная

семья. Все блага земные." А Диван ему и отвечает: "Вы думаете в земных благах счастье? Не препона-ли это к истинному счастью, свободе духа?" В тот-же вечер Диван вызвал к себе слугу, переоделся при нем в одежду санаусси, взял посох и исчез навсегда. У индусов, кто стал санаусси – умер заживо, так как теряет касту и все, но он приобретает великую свободу духовную, ничем не связан. Видите, у индусов и у буддистов есть люди, способные на великие жертвы ради свободы духа. Но у нас есть лучший путь, о котором говорится в Евангелии: "Познайте истину, и истина сделает вас свободными".

– Значит, Вы пришли в монастырь познать истину?

– Монастырь, Сергей Николаевич, есть школа духовная, вот как пишется у препод. Венедикта, которым Вы увлекаетесь, но это не есть школа формального исследования, как семинария, а духовного опыта.

– А найдете-ли Вы искомое?

– А это Старцу лучше знать. Я хотел бы остаться здесь, но если Старец пошлет в мир, то пойду, как пошел по благословению Старца Зосимы Алеша Карамазов. А знаете, Сергей Николаевич, Вы ближе к Алеше, чем я. Во мне еще много остается от князя Мышкина. Вы здесь всего на три месяца, приглядитесь, научитесь особо у о. Аркадия и о. Вассиана. Вам это будет нужно в свое время, когда пуститесь в странствия на Западе, среди людей другой культуры, других взглядов. А особо держитесь молитвы Иисусовой. Я ею только и держусь. Да знаете ли еще, Сергей Николаевич, к какому я пришел выводу из гражданской войны? Насилием ничего не сделаешь. А с христианской точки зрения, вместо того, чтобы злобствовать и мстить, лучше подчиниться насилию. Оно не вечно и оно более развращает насильника, чем его жертву. В гражданскую войну обе стороны творили всякие зверства. И какой результат? Белые побиты, а красные поедают и уничтожают друг друга. И это только началось, а там какие чистки пойдут. Для нас все это должно отставить и помнить,

что Бог есть любовь, и поклоняться Ему следует в *духе и истине*. Вот молитва Иисусова и есть *поклонение в духе и истине*.

Издательство "ЖИЗНЬ С БОГОМ"
Брюссель

## *КНИГИ*

*К.АДАМ – Иисус Христос.* Апологетический труд. Автор использовал обширный новый научный материал для воспроизведения исторического и вечного облика Христа. 370 стр. Б 1956. 1.50

*Н.АРСЕНЬЕВ – О жизни преизбыточествующей.* Сборник статей, объединенных одной общей темой: Человек перед безмерным величием Того Высшего, из чего он живет. 286 стр. Б 1966. 3

*И.А.БАЙГАЧЕВ – Спаситель мира.* Евангелие для детей с многочислен. иллюстрациями. 88 стр. Рим 1956. 1

*А.БОГОЛЮБОВ – Сын Человеческий* (40 иллюстр.). Цель книги: дать ключ к Евангелию в нашу эпоху и представить живое Лицо Основателя христианства, чтобы помочь людям познать и полюбить Его. С ценными приложениями (критический разбор тезисов атеизма о Христе и т.д.).. 336 стр. Б 1969. 4

*Г.БОССИ – Он и я.* Дневник, передающий в кратких изречениях беседу души с живым Богом. Он выдержал 42 изд. на французском языке. 100 стр. Б 1961. 0.80

*Л.БУЙЕ – О Библии и Евангелии.* Лекции в католическом Институте в Париже: Слово Божие – непреходящий источник христианской духовности. 232 стр. Б 1965. 3

*С.В.БУЛГАКОВ – Настольная книга для священно-церковно служителей.* Фототип.изд. 1270 стр. Рим 1963. 12.50

*Ж.ВИАННЕЙ.* Арсский Пастырь – *Избранные проповеди и уроки катехизиса.* Краткая биография. 280 стр. Б 1969. 3

*Ю.ДАНЗАС – Католическое Богопознание и марксистское безбожие.* 346 стр. Рим 1941. 4

*ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛОВ, АПОКАЛИПСИС* с замечательными толкованиями трудных мест. 530 стр. Рим 1946. 2

*ЕВАНГЕЛИЕ* – Слово жизни вечной. Текст составлен из повествований четырех Евангелий. 508 стр. Б 1959. 1.50

*Е.А.ИЗВОЛЬСКАЯ – Американские святые и подвижники.* 200 стр. Н.Йорк 1959. 2

*М.КАРРУЖ – Шарль де Фуко.* Иллюстр. изд. 182 стр. Б 1968. 1.50

*И.КОЛОГРИВОВ – Очерки по истории русской святости.* Историческое исследование, сводка наилучших трудов о святых, в Земле Российской просиявших. 415 стр. Б 1961. 3

*Ф.ЛЕЛОТТ – Решение проблемы жизни.* 390 стр. Б 1959. 3

*К.ЛЮБИХ – Новый мир.* Духовные размышления основательницы христ. интернационального движения Фоколарини, стремящихся претворить в жизнь завет Христов: "Да будут все едино!" 92 стр. Б 1961. 0.80

*НЕБО НА ЗЕМЛЕ* – Литургический очерк. Предназначается в первую очередь читателям, не получившим религиозного воспитания, но желающим понять смысл, структуру и красоту восточно-христианского богослужения. 236 стр. Б 1969. 2

*К.НИКОЛЬСКИЙ – Пособие к изучению устава богослужения.* 872 стр. Рим 1960. Фототип. издание. 8

*НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.* На тонкой индийской бумаге. С толкователем к Н.З., параллельными местами, полезными приложениями и картами св.Земли в красках. Формат 13x18.50. 758 стр. Б 1965. 5
Формат: 10x14. Б 1970. (Уменьшенное фототип. изд.) 3

*ОТЕЧНИК* – Избранные изречения свв.иноков и повести из жизни их, собр. Еп. Игнатий Брянчанинов. Фототип.изд. 550 стр. Б 1963. 5

*М.Э.ПОСНОВ – История христианской Церкви* (до разделения Церквей – 1054 г.) Лекции читанные в Киевской и Софийской Духовных Академиях. Именной и предметный указатель. Русская и иностранная библиография. 614 стр. Б 1964. 6

*А.РИШОМ – Винцент де Поль* или "Созидательная сила любви" – Святой – благодетель Франции в 17 веке – иллюстр.изд. 160 стр. Б 1968. 1.50

*Э.СВЕТЛОВ – Истоки религии.* Всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества. Том I.: Религия и культура. Пути познания. Эволюция. Бессмертие. Бог или боги? и т.д. Приложения: О науке и религии. Современная космогония. О миросозерцании Ч.Дарвина. Кибернетика и религия. Циолковский. Тейар де Шарден. Феномен христианства (полный текст). Иллюстр. изд. 408 стр. Б 1970. 5

*СОКРЫТЫЕ СОКРОВИЩА И НОВАЯ ЖИЗНЬ* – Описание находки Кумранских рукописей. Иллюстр. изд. 196 стр. Брюгге 1959. 2

*ВЛ.СОЛОВЬЕВ – Духовные основы жизни.* 140 стр. Б 1958. 1.50

*ВЛ.СОЛОВЬЕВ* – Сборник всего, что Вл.С. написал "О христиан-

ском единстве". Именной и предметный указатель. 490 стр. Б 1967. 6

*ВЛ.СОЛОВЬЕВ – Собрание сочинений.* Тома I-X фототип.изд. Воспроизвед. 2-го изд. СПб 1911-1914. 4.956 стр. – Тома XI-XII: типогр.изд. *Содержание:* Россия и Вселенская Церковь – Русская идея – Св.Владимир и христианское государство и т.д. – Неизданная переписка С. с кн. Волконской – Стихотворения (7-ое изд. + 44 стихотворения), шуточные пьесы – 42 статьи на философ. и литератур. темы – 133 статьи из Энциклоп.словаря Б-Э – Русская и иностранная библиография книг, брошюр и статей о С. – около 700. Б 1966-1970. 12 томов 150
Тома XI-XII отдельно 40
Стихотворения и шуточные пьесы (отдельно), 236 стр. Б 1970. 4

*Св.ТЕРЕЗА Имени Млад.Иисуса – Повесть об одной душе.* 350 стр. 2

*П.ТИВОЛЬЕ – Спутник искателя правды.* Пространный катехизис в общедоступной форме: существование Бога, история религий, Ветхий и Новый Завет, происхождение мира и живых существ, назначение человека, зло и страдание, Церковь, чудеса, таинства, бессмертие души, потусторонняя жизнь. Объяснение литургии и богослужений Страстной Седмицы и Пасхи. 511 стр. Б 1964. 4

*ТИПИКОН* – Устав (на тонкой бумаге, в двух цветах). Фототип. изд. в холщ. переплете. 986 стр. Рим 1964. 20

*С.ТЫШКЕВИЧ – Церковь Богочеловека.* 580 стр. 1958. 5

*ФЕОФАН ЗАТВОРНИК – Путь ко спасению.* Истолкование Молитвы Господней словами святых Отцов. Фототип.изд. 508 стр. Б 1962. 4

*ФОМА КЕМПИЙСКИЙ – О подражании Христу.* 354 стр. Рим 1949. 1

*СВ.ФРАНЦИСК САЛЬСКИЙ* – О благочестивой жизни. 2. Доктор *А.КАРРЕЛЬ* – О молитве. 3. Проф. *ЖАН ЛАДРИЕР* – О сочетании христианской жизни и научной деятельности. Сборник под назв.: *"Неведомая стихия"* 202 стр. Б 1967. 3

*Р.ХАРДУИН – Коттоленго* – "Безграничное упование о. Б. Коттоленго" – великого итальянского святого и благодетеля больных прошлого века. 144 стр. Б 1968. 1.50

* * *

В 1970 г. должны выйти следующие книги:

*Мария ВИНОВСКАЯ – Они нашли Бога.*

*Николай АРСЕНЬЕВ – Единый поток жизни.*

*Вячеслав ИВАНОВ – Собрание сочинений. 1-ый том.*

*БИБЛЕЙСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ СЛОВАРЬ* под редакцией К.Леон-Дюфура.

## *ОГЛАВЛЕНИЕ*